

лена при этом императоре. В меньшей степени это можно сказать о Василиках, которые были изданы как действующее гражданское право Византии, но редко могли оторваться от готовых формулировок юстинианова права.

Лев понимал, что законы издаются для удовлетворения текущих потребностей жизни. В новелле 95 он писал: «Жизненные потребности (*χρεῖαι τῶν πραγμάτων*) вызвали к жизни и древнейшие, появившиеся в свое время, законы. Именно к определенным случаям, встречающимся в жизни, обращена каждый раз мысль законодателя и изучение сущности этих явлений приводит к изданию законов». Что касается самого Льва, то он, по его словам, при всяком казусе из жизненной практики в первую очередь обращался к уже существующим законам (т. е. к юстинианову праву) и только в случае полного отсутствия в старинном законодательстве соответствующих определений, приходил к необходимости издания нового закона (см. например нов. 95).

Лев понимал, что характер законов зависит от окружающих условий, что в древности был «другой порядок вещей», который и вызывал особые законы (*τότε μὲν οὖν ἄλλως τῶν πραγμάτων διαχειμένων ἡ χρεῖα τὸν νόμον ἐστίται...*), что при изменении условий отпадает необходимость в старинных законах (нов. 47). Он сам писал (в новелле 19): «не для того, чтобы порицать и не для того, чтобы возвеличить себя, мы предприняли пересмотр законов, но чтобы по возможности устранить неподходящее к жизненным потребностям подданных». Сам Лев считал себя не консерватором, а новатором. «Многие, почитающие как нечто священное старые времена, желают следовать им в жизни и в установлениях. Я же знаю, что хотя старые времена и превосходят во многом нынешнее время, но все-таки кое в чем старые времена уступают новому...» (нов. 24). Более того, Лев понимал, что законы не изобретаются, а следуют фактическим изменениям в жизни и фиксируют то, что уже введено жизнью. Очень ясно об этом сказано, например, в новелле 22, в которой отмечено, что установившийся обычай в отношении завещаний не совпадал с существовавшими в то время законодательными положениями по этому вопросу: «обычай, — читаем мы в этой новелле, — более приемлем, чем закон — и обычай должен стать законом!»...

«Жизненные потребности», о которых так часто говорил в своих новеллах Лев, были потребностями крупного торгового города. В полном соответствии с идеологией общества, вовлеченного в товарное хозяйство, Лев считает стремление извлекать для себя выгоду природной склонностью каждого человека: «Никто из людей не доходит до такого состояния, чтобы вести дело себе во вред, и никто, я думаю, не лишен настолько ума, чтобы не стремиться как можно чаще извлекать себе пользу...» (нов. 39). И, конечно, в связи с этой же идеологией следует оценивать требование 29 новеллы о том, чтобы никто не был «беспользным ни себе ни другим»... и то презрительное отношение к т. н. *ἀργούς* — бездельникам (нищим, бродягам и пр.), которое отчетливо выражено как в новеллах, так и других произведениях Льва VI⁴.

И новеллы, и Книга Эпарха различают производство на рынок и производство «для собственного употребления». Когда говорится о «собственном употреблении», в первую очередь имеется в виду хозяйство домов вельмож. И характерно, что, согласно данным Книги Эпарха, «дома вельмож» не должны были участвовать в производстве товаров для сбыта на рынок. Например, ряд постановлений запрещал вельможам и богатым

⁴ См. напр.: Leonis VI *Tactica*, PG, t. 107, cap. VI.